

SECURITY-GOES

КИРИЛЛ МАКСИМОВ

СТОРОЖЕВОЙ
ВОЛК

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М17

Максимов, Кирилл.

М17 Сторожевой волк / Кирилл Максимов. —
Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Режимный
объект. Security-боевик).

ISBN 978-5-699-80771-0

Отставной прапорщик Богдан Князев работает грузчиком на овощной базе — никакой другой работы бывшему военному найти не удалось. Однажды он заступает за бесправного гастарбайтера, и хозяин базы — Сулейман — жестоко наказывает «русского шакала». Богдана избивают на протяжении нескольких дней и собираются забить до смерти... Но на овощной базе вдруг объявляется бывший командир прапорщика — капитан Бакланов. Он спасает Князева и предлагает ему непыльную высокооплачиваемую работу — охранником в приличной фирме. Потрясенный событиями последних дней, Богдан, не раздумывая, соглашается. Через пару дней прапорщик понимает, что появление капитана на базе не могло быть случайным, этот человек пришел с недобрыми намерениями. Но будет уже поздно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Максимов К., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-80771-0

Глава 1

В пейзаже каждого района большого города обязательно присутствие такого элемента, как «точка». Официально это заведение может носить разные названия. Иногда неприкрыто открытые, типа «рюмочная», «распивочная»... Иногда слегка закамуфлированные: «вечерний», «место встречи»... или же ретроспективно исторические: «трактиръ», «кабакъ»...

Но суть этих заведений от названия не меняется. Их предназначение всегда одинаково — дать возможность «страждущему» принять дозу спиртного в промежутке от утра до позднего вечера.

Дело, в общем-то, полезное. Человек может выпить свои выверенные сто-двести граммов и при сильном желании остановиться, а не влить в себя всю бутылку, приобретенную в винно-водочном отделе.

Публика в таких заведениях собирается пестрая. Здесь никого, по большому счету, не интересуют твоё социальное положение и род занятий. Ты — один из многих любителей выпить. На огонек таких «точек» может спокойно заглянуть каждый, у кого в кармане имеется свободная «копейка», тот, кто может позволить себе сам оплатить свою выпивку. Это может быть и пенсионер, и творческий человек, работяга и средней руки бизнесмен, загнавший после сложного трудового дня машину во двор, а затем традиционно снимающий стресс вечерней дозой спиртного. Таких на «точках» называют «своими», они люди уважаемые. А ещё есть всякие асоциальные типы, которым вход внутрь заведения неофициально воспрещен, они не могут оплатить себе выпивку, а потому побиваются неподалеку. Рассказывают выдуманные и реальные истории, чтобы разжалобить более состоятельных любителей выпить и сшибить у них сколько-то десятков рублей.

Имеется такая точка и в районе на южном выезде из Москвы, называется она «Вечерний огонек». Небольшой зальчик с прилавком, над которым возвышаются золоченые пивные краны, полки с начатыми бутылками спиртного, а по стенам стойки для посетителей.

Уже второй год бывший прапорщик ВДВ Богдан Князев каждый вечер навещался на «точку», ближайшую к его дому. Вот и этим вечером

он заглянул в «Вечерний огонек». Сыпал мелкий снежок, и оттого серый унылый район, возведенный в восьмидесятые годы прошлого века, казался немного праздничным.

Богдан поднялся на крыльцо универсама, прошел вдоль витрин, залитых призрачно-зеленым светом, и оказался у заветной двери, за которой можно было приобрести свою порцию вечернего забвения. На улице, у парапета, поставив на него свои пластиковые стаканчики и бокалы с пивом, расположились трое курящих мужчин. Внутри заведения курить было строго запрещено, вот и выходили время от времени на улицу. Двоих из них Богдан знал, это были «свои» — вечерние завсегдатаи, третий был ему незнаком — скорее всего, кто-то из залетных.

— Добрый вечер, — поприветствовал он знакомых.

— Добрый.

Мужчины обменялись рукопожатиями. Прозвучали дежурные слова: «Как дела?», «Хорошо. А как у тебя?», «Как всегда»...

Богдан Князев зашел внутрь распивочной. У стойки скучилась компания молодых мужчин с двумя женщинами. Они отчаянно жестикулировали, перебивая друг друга. Это были глухонемые, сошедшие на расположенной рядом станции с электрички, где продавали всякую мелочовку. «Свои» с ними практически не контакти-

ровали, хоть и встречались здесь почти каждый вечер. Глухонемые являлись закрытой кастой со своими темными интересами. Богдан справедливо полагал, что добрая половина из них отлично умеет говорить и все слышит, а инвалидами по слуху лишь прикидывается, чтобы легче было совершать мелкие кражи в поездах.

Он подошел к стойке, снял кожаную кепку, пригладил волосы, провел ладонью по четырехдневной щетине.

— Как всегда? — спросила полная крашеная блондинка в зеленом сарафане-униформе с подвешенным к пышной груди бейджиком. — Сто пятьдесят, стакан томатного, пустой бокал, пластиковый ножик и две пачки «Явы»?

— Как всегда, Маша, только на этот раз блок спичек прибавь, в смысле, десять коробков, — согласно кивнул Богдан, в мыслях отметив, что, с одной стороны, это хорошо, когда тебя узнают и помнят твой «продуктовый» набор, с другой стороны, если это буфетчица распивочной, где проворачивается чуть ли не тысяча людей за день, то такое узнавание является «однако, тенденцией». Ты слишком часто тут появляешься.

Блондинка в сарафане ловко влила в стеклянный мерный цилиндр сто пятьдесят граммов водки.

— Ты даже на деления не смотришь, — дежурно пошутил Князев.

— А зачем? — пожала плечами Маша. — Рука у меня набитая до грамма, не промахнусь. Деления у нас для посетителей, чтобы видели — их не обманывают. А то всякие бывают. Если человеку сильно выпить хочется, а денег мало, ему постоянно кажется, что недоливают. Но это не ваш случай.

Очереди не было, поэтому Богдан стал прямо на месте готовить свой фирменный коктейль, наливая в пустой пивной стакан водку и томатный сок, стекающие тонкой струйкой по пластиковому ножу.

— Ловко у вас получается, — заметила Маша. — Каждый раз за вами слежу. Слои не перемешиваются. Слово блин на блин кладете. Я так не умею.

— Практика большая, — честно признался Князев.

Глухонемые, наверное, что-то не могли поделить, они беззвучно «кричали», размахивая руками друг у друга под самым носом, и Богдан чувствовал себя не совсем уютно. Он не любил присутствовать при чужих ссорах. К тому же пить привык «под сигарету». Он рассовал коробки спичек по карманам куртки и подался на улицу. Трое мужчин все еще стояли у парапета. Тут тоже спорили. Завсегдатаи даже на время забыли о своих недопитых стаканчиках. Любитель исторических экскурсов пятидесятилетний Александр, со стя-

нутыми на затылке в жидкий хвостик редкими волосами, поблескивал очками в металлической оправе и горячо возражал:

— ...никогда не называйте ресторан кабаком.

— Почему это? Мы всегда так говорили. И при СССР, и сейчас, — примирительно произнес седой старичок с острой, клинышком бородкой.

— Ресторан еще можно с натяжкой назвать трактиром, — сказал Александр и с наслаждением затянулся дорогой ароматизированной сигаретой с запахом вишни. — Трактир в русской традиции — заведение, где не только наливают, но там еще можно заказать что-то горячее. А вот в кабаке подавали исключительно выпивку, в крайнем случае можно было прикусить баранками.

К компании приблизился, но не решался подходить явно асоциальный элемент. Об этом свидетельствовали огромный синяк под глазом, разбитая губа и давно не чищенные ботинки.

— Мужики, — начал он. — У меня на вечер немного выпивки осталось. Но мне еще на утро надо. А то помру. Хотя бы маленькую. Возьмите кто, а? Если не жалко.

— У меня лишних денег нет, сам на «подсо-се», — отозвался Богдан.

Любитель исторических экскурсов Александр выдержал паузу, а затем сказал:

— Ты чего нас всех обманываешь, Бурый?

— Как это обманываю? — возмутился тот, кого называли Бурым, при этом никто из завсегдаев «Вечернего огонька» толком не знал — кличка это или фамилия. — Я же честно на пузырь прошу. Не рассказываю, будто мне матери на лекарство надо.

— Ты вчера нам всем тоже обещал, что «помрешь», но тебе никто не дал. А сегодня ты жив остался, значит, обманул. Обещания выполнять надо, иначе второй раз не поверят.

— Какой второй раз, на хрен, если я утром сдохну? Меня ж в эпилепсию бросает, — резонно заметил Бурый.

— Не сдохнешь, — пообещал Александр. — Иди отсюда, не стой над душой, тут люди культурно отдыхают, а ты мешаешь.

— В плохом вы сегодня настроении, мужики, — вздохнул Бурый.

— Мужик, это тот, кто землю пашет, короче говоря, крестьянин, — уточнил Александр. — А у меня по маме прадед — столбовой дворянин. Знаешь, почему столбовой? Откуда такое слово пошло? И, кстати, настроение мое здесь ни при чем. Я тебе на утреннюю выпивку не даю принципиально. Пить с утра категорически нельзя.

Бурому нужен был пузырь, а не исторические экскурсии.

— Скоро магазин закроется, — сказал он. — Пойду, пошустрю у входа. Мир не без добрых людей.

Он ушел, а Александр стал подробно рассказывать, почему к слову «дворянин» добавляли определение «столбовой». Эти объяснения Богдан еще слушал, он любил «образовываться» при случае. Книги по истории не читал, ведь написаны они были обычно заумным языком, через который сложно пробиться. А вот если человек объяснял доходчиво, своими словами, можно и послушать. Однако, когда в разговор вступил «залетный», Князев сразу же потерял интерес. Тот ни с того ни с сего стал объяснять, что главное для мужчины быть выбритым, носить отутюженные брюки и начищенные туфли. Вот тогда и отношение у всех будет к нему уважительное.

— Вот, как я, — хвалился он. — Могу быть даже сильно выпившим, но никто мне и слова не скажет...

Богдан вообще перестал слушать, слова пролетали мимо его ушей. Он стоял, цедил свою «Кровавую Мэри» и смотрел на лежавшую через неширокую улицу слабо освещенную лесополосу, которую местные почему-то привыкли называть парком, хотя на самом деле это в основном были сами собой разросшиеся деревья под отключенной лет пять назад линией электропередачи. За ней пролежала железная дорога. То

и дело в темноте проползали электрички, тяжело грохотали длинные составы товарняков, пролетали пассажирские поезда. Их освещенные окна казались перфорацией киноплёнки с фильмами о чужой счастливой жизни. Люди ехали по делам, в гости, на отдых, а Богдан оставался лишь зрителем, с относительным комфортом расположившимся возле бетонного парапета с порцией выпивки.

— Да. Пока, до встречи... рад был видеть... и тебе того же... — машинально, не вникая в суть сказанного, говорил он завсегдадаям «Вечернего огонька», когда те протягивали руки для прощания.

Никто никому ничего не обещал, людей, собиравшихся здесь, по большому счету, объединяла лишь выпивка. И то не коллективная, посвященная какому-нибудь событию, а индивидуальная, личностная. Каждый платил за себя, каждый заказывал то, что любил. Пили, не чокаясь, без тостов, сколько кто хотел, или же насколько позволяли финансы и расписание завтрашнего дня.

Вскоре Богдан остался один у парапета, продолжая смотреть на железную дорогу, на растянувшиеся вдоль нее, еле угадывающиеся в темноте старые кирпичные склады. Почти каждый день в этом месте он думал об одном и том же, прокручивая воспоминание в голове, объяснявшее, почему он сейчас небритый, в мятых брю-

ках и нечищенных ботинках стоит здесь и пьет. Нет, он не опустился окончательно. У него была какая-никакая работа, жил он в своей однокомнатной квартире, но стержень жизни, ее смысл оказались потерянными. Князеву вспомнилась фраза, слышанная им от любителя исторических экскурсов Александра: «Жизнь теряет смысл, когда начинаешь над этим смыслом задумываться. Поэтому и пьешь».

Сколько уже раз он возвращался в мыслях к событиям полуторагодичной давности, круто изменившим его жизнь. Пытался понять, что он мог сделать по-другому, чтобы избежать катастрофических перемен. Однако не находил собственных ошибок. Он все сделал, как подсказывали ему обстоятельства, совесть и здравый рассудок. Выходит, судьба? По-другому поступить было нельзя? Сама судьба загнала его к паркету перед «Вечерним огоньком»? Недаром он иногда машинально называл его в мыслях «Вечным огоньком»...

Глава 2

Полтора года тому назад...

Перед внутренним взором Князева вновь возник пейзаж, врезавшийся в память. Северный Кавказ, по разбитой горной дороге ползет колонна машин. Впереди командирский «УАЗ», за ним желтый банковский броневичок, а следом тентованный «КамАЗ» с десантниками. Гудят моторы. Воздух напоен летними запахами гор, пылью и тревогой. Места-то беспокойные.

Прапорщик Князев сидел тогда в головном «УАЗе». Ему, исполнявшему должность командира взвода, капитан Георгий Бакланов, командовавший отдельной ротой ВДВ, отдал приказ сопровождать по горной дороге инкассаторский броневик, под завязку забитый наличностью. Кому и на какие цели везут деньги, прапорщик не знал, да и не должен был этого знать. Так же, как ему не сообщили и о дальнейшем маршруте ин-